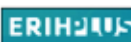
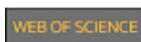

Осмухина О. Ю. Христианский контекст исторического романа (на материале «Обители» Захара Прилепина) / О. Ю. Осмухина, А. Д. Карпов, Е. А. Белоглазова // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 181—199. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-181-199.

Osmukhina, O. Y., Karpov, A. D., Beloglazova, E. A. (2021). Christian Context of Historical Novel (Zakhar Prilepin's "Abode"). *Nauchnyi dialog*, 9: 181-199. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-181-199. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-181-199

Христианский контекст исторического романа (на материале «Обители» Захара Прилепина)

Осмухина Ольга Юрьевна

orcid.org/0000-0002-1456-4793

доктор филологических наук,
профессор

зав. кафедрой русской
и зарубежной литературы
osmukhina@inbox.ru

Карпов Антон Дмитриевич

orcid.org/0000-0001-6579-2035

аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
antonkarpov1996@yandex.ru

**Белоглазова Екатерина
Александровна**

orcid.org/0000-0001-6198-1365

аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
e.a.beloglazova@yandex.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Christian Context of Historical Novel (Zakhar Prilepin's "Abode")

Olga Yu. Osmukhina

orcid.org/0000-0002-1456-4793

Doctor of Philology, Professor
Head of the Department of Russian
and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

Anton D. Karpov

orcid.org/0000-0001-6579-2035

Postgraduate student,
Department of Russian
and Foreign Literature
antonkarpov1996@yandex.ru

Ekaterina A. Beloglazova

orcid.org/0000-0001-6198-1365

Postgraduate student,
Department of Russian
and Foreign Literature
e.a.beloglazova@yandex.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается специфика синтеза элементов, включенных в историческое повествование, и христианских мотивов, образов в романе крупнейшего современного отечественного прозаика Захара Прилепина. Актуальность статьи обусловлена необходимостью построения целостной и непротиворечивой истории развития русской словесности последних двух десятилетий, важной частью которой является наследие писателей «первого ряда». Научная новизна работы состоит в том, что впервые в отечественном литературоведении роман «Обитель» рассматривается в предлагаемом ракурсе: проанализирована его жанровая специфика в христианском контексте. Установлено, что, несмотря на наличие элементов документального, авантюрного, любовно-психологического романов, в жанровом отношении «Обитель» можно отнести к историческому роману (изображен переломный момент отечественной истории через конфликт между историческими личностями и вымышленными «средними» героями, сочетаются исторические факты и художественный вымысел). При этом особенностью осмысления исторической темы у Прилепина становится интерес к вечным нравственным вопросам, проблемам жизни и смерти, совести и долга, любви и верности в их христианском понимании. Авторы статьи использовали сравнительно-исторический, биографический, социокультурный методы, а также метод целостного анализа художественного произведения.

Ключевые слова:

Захар Прилепин; исторический роман; христианский контекст; современная проза; исторический роман; Обитель; жанровый синтез.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The specificity of the synthesis of elements included in the historical narrative, and Christian motives, images in the novel of the largest contemporary Russian prose writer Zakhar Prilepin is comprehended in the article. The relevance of the article is due to the need to build a coherent and consistent history of the development of Russian literature over the past two decades, an important part of which is the legacy of the popular writers. The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time in Russian literary criticism “Abode” is considered from the proposed perspective: its genre specificity is analyzed in a Christian context. It has been established that, despite the presence of elements of documentary, adventurous, love-psychological novels, in terms of genre, “The Abode” can be attributed to a historical novel (it depicts a turning point in Russian history through a conflict between historical figures and fictional “average” heroes, combines historical facts and fiction). At the same time, an interest in eternal moral issues, problems of life and death, conscience and duty, love and fidelity in their Christian understanding becomes a feature of Prilepin’s understanding of the historical theme. In their work, the authors of the article used comparative historical, biographical, socio-cultural methods, as well as the method of a holistic analysis of a work of art.

Key words:

Zakhar Prilepin; historical novel; Christian context; contemporary prose; historical novel; Abode; genre synthesis.

Христианский контекст исторического романа (на материале «Обители» Захара Прилепина)

© Осьмухина О. Ю., Карпов А. Д., Белоглазова Е. А., 2021

1. Введение

Актуальными проблемами современного литературоведения являются осмысление жанровой специфики того или иного произведения и — шире — проблема жанра вообще. Ю. Н. Тынянов еще в 1929 году отмечал, что «вопрос наименее исследованный — вопрос о литературных жанрах» [Тынянов, 1929, с. 24], а в 2010 году эту мысль фактически повторил и Н. Л. Лейдерман, резюмировавший, что «литературоведение до сих пор не располагает достаточно убедительными представлениями о сущности жанра как об одном из фундаментальных законов художественного творчества» [Лейдерман, 2010, с. 12].

Примечательно, что на протяжении всего XX столетия одним из наиболее востребованных жанров, форм художественного отражения действительности продолжает оставаться репрезентированный целым рядом разновидностей роман, и это отнюдь не случайно. Согласно М. М. Бахтину, «роман — единственный становящийся и еще неготовый жанр. Жанрообразующие силы действуют на наших глазах: рождение и становление романного жанра совершаются при полном свете исторического дня. Жанровый костяк романа еще далеко не затвердел, и мы еще не можем предугадать всех его пластических возможностей» [Бахтин, 1986, с. 392]. Бахтинский тезис вполне проецируется и на литературный дискурс рубежа XX—XXI веков, при этом подчеркнем, что сегодня роман приобретает синтетический характер, чаще всего соединяя элементы нескольких разновидностей (приключенческого, романа воспитания, психологического, исторического и т. д.). Более того, по-прежнему немаловажную роль в нем продолжают играть христианские образы и мотивы, носящие вневременный характер, чему способствует «сама неоднозначность идеологической обстановки в России»: именно она «подталкивает художников к поиску ценностных ориентиров, адекватных сегодняшнему дню, современная литература ставит перед собой задачу их сформулировать» [Круглов, 2019]. В прозе современной мотивы и сюжеты новейшего времени нередко экстраполируются в контекст православный, в едином текстовом пространстве органично соединяются элементы, условно говоря, светских и религиозных жанров. Действительно, в отечественном романе последних двух

десятилетий в исторический, авантюрно-приключенческий или антиутопический нарратив вплетены евангельские притчи («Тобол» А. Иванова, в котором святой грешник Ремезов дважды бросает вызов Богу, или его же «Ненастье», где история кроткой Танюши ассоциируется с библейским жертвенным агнцем, «Ланселот» Ю. Вознесенской, отсылающий к истории апокалипсиса), житийные традиции (достаточно вспомнить «Сорок лет Чанчжоэ» Дм. Липскерова, в истории полковника Шаллера, интерпретирующего каноническое житие, или «Лавр» Евг. Водолазкина, прочитывающийся как притча о жизни-жертве, или во многом переосмысливающий традиционные вертограды «Современный патерик. Чтение для впадших в уныние» М. Кучерской) и др.

В этом контексте весьма примечателен роман Захара Прилепина «Обитель» (2014), формально относящийся к «лагерной прозе», где, условно говоря, христианский контекст не просто становится центром «сцепления» разножанровых элементов (исторического, любовно-психологического, авантюрного романа), но и высвечивает историософскую и аксиологическую авторскую парадигму. Цель настоящей статьи — осмыслить «Обитель» как исторический роман, выявив тот христианский контекст, который определяет сравнимую с пастернаковским «Доктором Живаго» (на наш взгляд, в связи с этим весьма показательна параллель: пастернаковский текст завершается стихами из «тетради» Юрия Живаго, «Обитель» венчает дневник Галины, приведенный приложением к основному тексту) концепцию мира и человека, где первоосновами становятся традиционные христианские ценности, а судьба личности в историческом срезе есть не что иное, как универсальная метафора вселенского движения от небытия к победе над смертью в ее христианском понимании.

2. Роман «Обитель» в рецепции отечественного литературоведения

«Обитель» Захара Прилепина с момента публикации в 2014 году неоднократно становилась объектом внимания литературных критиков и литературоведов [Александрова и др., 2015; Безруков, 2019; Большев, 2016; Вальняк, 2019; Глазкова и др., 2015; Данилкин, 2014; Иванова, 2016; Ильина, 2017; Ковтун, 2019; Кучерская, 2014; Рылова, 2016; Сухих, 2015]. И дело здесь не столько в «титулованности» текста, получившего три престижные российские премии («Большая книга», «Книжная премия Рунета», «Книга года»), сколько в его масштабности, значимости и для творчества самого прозаика, как известно, обретшего до выхода романа весьма однозвучную писательскую репутацию, так и для всей современной отечественной словесности. «Обитель», фактически являющаяся *opus magnum* Прилепина и маркирующая его очевидную писательскую эволюцию, стала подлинным событием литерату-

ры современной, соединив в себе исторические реалии, традиции русского фольклора и художественной словесности, «лев-толстовскую изобразительность» [Захар Прилепин, 2014], значительную аксиологическую парадигму; обращенный к трагическим вехам национальной истории XX века, роман изобразил личностные метания главного героя, в соловковском хронотопе дал срез нового советского общества конца 1920-х годов и явился «концентрированной метафорой» [Там же] дня сегодняшнего.

Будучи явным продолжением традиции «лагерной прозы», роман приписывается к корпусу так называемого «соловецкого текста» [Франк, 2017]. Действительно, события «Обители» разворачиваются в 1920-х годах на Соловках, в связи с чем исследователи ищут параллели с наследием А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, С. Довлатова [Большев, 2016]. Н. В. Ковтун, в частности, видит в прилепинском герое характерные черты типа «голого человека» и относит роман к «новой лагерной прозе» [Ковтун, 2019]. Однако, как справедливо замечает Л. Данилкин, это не просто «лагерная проза», ибо писателя «интересует <...> национальная история, которая здесь представлена в химически чистом, лабораторном варианте. Соловки и есть Россия, макрокосм в микрокосме; остров как модель страны» [Данилкин, 2014].

Некоторые литературоведы обращаются к осмыслению отдельных аспектов поэтики прилепинского текста [Безруков, 2019], подчеркивая при этом сложность и многомерность его хронотопической организации, образной системы, неоднозначность трактовки исторического контекста. Так, О. С. Сухих характеризует «Обитель» как «художественный эксперимент», утверждая его самобытность [Сухих, 2015, с. 297]. Литературовед выдвигает тезис о том, что в основе сюжета романа лежит принцип «синусоиды», то есть судьба персонажа представляет собой череду взлетов и падений [Там же, с. 298].

При всей «разности» исследовательских интерпретаций ученые отмечают неоспоримость акцентуации писателем нравственной проблематики [Кучерская, 2014; Вальчак, 2019]. К примеру, М. Кучерская пишет: «Прилепин показывает, как легко могут сочетаться в одной душе, на одном клочке земли ад и рай, любовь и смерть, вой и песня, бред и прозрение» [Кучерская, 2014]. Кроме того, исследователи справедливо указывают на многочисленные отсылки к православным традициям, подчеркивают изображенную писателем эволюцию отношения к вере верующих и неверующих персонажей [Александрова и др., 2015; Вальчак, 2019; Глазков и др., 2015; Иванова, 2016; Рылова, 2016]. При этом ни в одном исследовании целостно не проанализирована жанровая специфика романа, своеобразие соотношения в нем элементов исторического романа и христианской образности и мотивики.

3. Жанровая специфика «Обители» Захара Прилепина

Как мы уже указали, вопрос о жанровой специфике «Обители» до сих пор окончательно не прояснен. Л. Данилкин, указывая на принадлежность текста к корпусу «лагерной прозы», выделяет в нем мотивы плутовского романа, полагая, что сюжет построен как ряд перипетий, в которые попадает герой, но всегда остается невредимым, что роднит его со средневековым пикаро [Данилкин, 2014]. О. С. Сухих выявляет черты полифонического романа, близкого наследию Ф. М. Достоевского, отмечая диалог голосов героев [Сухих, 2015]. С подобными высказываниями исследователей можно согласиться частично: во-первых, в отличие от традиционного пикаро, для героя прилепинского романа «остаться невредимым» означает «остаться живым», к тому же, сталкиваясь с очередной «метаморфозой» (общие работы, театр, больница, камера смертников), Артем, в отличие от пикаро, везде и для всех остается чужим и не находит «благоприятного» места. Во-вторых, несмотря на противоречивые мнения персонажей о лагере (для одних он — необходимое зло и «новая цивилизация»: Ф. Эйхманис и лагерное начальство; для других — ад: Василий Петрович и большинство заключенных), главный герой придерживается нейтральной позиции, примыкая то к одной стороне, то к другой. Именно поэтому вслед за Артемом Горяиновым, по замечанию В. Бондаренко, читатель лишь задает вопросы: «Чем была для России XX века Соловецкая обитель? Это обитель зла? Или же обитель преображения? Это узилище или уникальная лаборатория по переделке человека?» [Бондаренко, 2014].

На наш взгляд, наиболее явно в «Обители» прослеживаются черты исторического романа как «эпического произведения, в котором преобразование народной жизни передается через типичных героев, на чьи судьбы воздействуют сокрушительные общественные силы. Среди действующих лиц могут быть и известные исторические личности, но в произведении им чаще всего отведены второстепенные роли» [Лукач, 2015]. Напомним, что в основе исторического романа лежит важное, с точки зрения автора, событие, ставшее переломным для всего этноса, и обращение к нему зачастую обусловлено желанием писателя ответить на животрепещущие вопросы современности, понять закономерность происходящего [Альтшуллер, 1996; Бреева, 2011; Варфоломеев, 1979; Долинин, 1988]. События «Обители» становятся своего рода «преамбулой» к одному из трагичных периодов отечественной истории — массовым репрессиям, причина которых, равно как и возникновение последующей разветвленной сети ГУЛАГа, по мнению прозаика, как раз коренится в ссылке в 1920—30-е годы на Соловки «особо опасных» уголовных и политических преступников.

Как известно, достоверность повествования в историческом романе обеспечивается за счет привлечения документов эпохи, опоры на свиде-

тельства очевидцев (дневники, воспоминания, письма). В контексте заявленной проблематики это принципиально, ибо жанрообразующими признаками исторического романа выступают, как известно, ярко выраженное документальное начало, а также синтез исторических фактов и художественного вымысла [Оскоцкий, 1980; Пауткин, 1970; Петров, 1961]. В предисловии к «Обители» сообщается о том, что история, ставшая основой сюжета, была рассказана автору прадедом, а во время работы над текстом он обращался к отчетам, докладным запискам и рапортам в архивах. Так писатель задает вектор объективного воссоздания прошлого, придает художественному тексту элементы историографии. Однако, помимо документальной точности, для исторического романа характерна мистификация, чаще всего воплощенная в мотиве таинственной рукописи, которая чудом попала к рассказчику и вдохновила писателя на создание текста [Долинин, 1988]. Таким мистифицирующим читателя «фикциональным» источником в «Обители» становится дневник Галины Кучеренко, который раскрывает внутренний мир героини, рисует Соловки глазами большевиков, но не является историческим документом.

Исторические реалии — Соловецкие острова, Соловецкий лагерь — воссозданы в романе с большой точностью. При этом описание самой обители зачастую субъективно и зависит от состояния главного героя Артема Горяинова: *Обитель была угловата — непомерными углами, неопрятна — ужасным разором <...> Она высилась так тяжело и огромно, будто была построена не слабыми людьми, а разом, всем своим каменным туловом, упала с небес и уловила оказавшихся здесь в западню* [Прилепин, 2014, с. 19]. Позже в речи других персонажей (например, Ф. Эйхманиса) появляются документальные подробности: *Монастырь: 509 трехаршинных сажень по кругу, высота девять метров, ширина — шесть, Восемь башен. Твердь!..* [Там же, с. 265]. Приводятся факты из истории обители от основания до прибытия большевиков в 1923 году: восстание против реформ Никона и его жестокое подавление в 1666 году; зверства, всегда присутствовавшие в монастыре (так, упоминается о наказании расстриги Ивана Бурянского, которого в 1722 году посадили в каменный мешок на 30 лет и др.). Исторические справки, транслируемые через персонажей, реконструируют точный «портрет» эпохи, а яркие пейзажные зарисовки становятся своеобразной «оркестровкой» эмоциональному состоянию героев, дают понять внутреннее состояние заключенных.

Проводя своего героя через все круги лагерного ада, подобно персонажу «Божественной комедии» Данте, писатель показывает структуру этого «государства в государстве»: описывается ротная система, бараки, больница, кабинеты начальства, некоторые виды работ, к которым привлекаются

заклученные. Все разнообразие хозяйства лагеря сложно описать даже начальнику: *Лесозаготовка <...> Рыбная и тюленья ловля. Скотное и молочное хозяйство. Известково-алебастровый, гончарный, механический заводы. Бондарная, канатная, наждачная, карбасная мастерские ...* [Там же, с. 275]. Соловки, по словам Эйхманиса, есть не что иное, как лаборатория по созданию нового человека и новая цивилизация. Особое внимание уделено языку, соединяющему арго (*шкеры, мойка, святцы, ненаряженный*), лексику образованной интеллигенции и новояз: *Все смешалось: фрак, армяк и блуза!* [Там же, с. 267]. Такая невообразимая смесь демонстрирует, насколько разных людей, помимо их воли, объединила судьба в едином пространстве лагеря-тюрьмы и заставила существовать бок о бок. Соловки, вмещающие палачей-чекистов, мучеников-священников, уголовников, представителей русской интеллигенции и т. д., становятся микрокосмом, символическим образом всей послереволюционной страны.

Главным героем классического исторического романа зачастую становится «типичный, усредненный, представитель эпохи» [Долинин, 1988, с. 123]. У Прилепина это Артем Горяинов, через призму восприятия которого изображается все происходящее, в том числе исторические события и исторические личности: он недоучившийся студент, из-за непреднамеренного убийства отца попавший в лагерь. Он не обладает особыми талантами, выдающимися способностями, навыками или знаниями, отличает его только любовь к поэзии Серебряного века. В то же время, подобно герою-авантюристу, он ловко выпутывается из безвыходных, казалось бы, ситуаций. Более того, Артем часто стоит перед выбором, причем всякий раз в последний момент появляется вариант, спасительный для героя. Так, после столкновения с блатными, которое должно было привести к гибели, он попадает в спортивную роту. Когда в лагере появляется новое начальство и начинаются репрессии, героя «прячут» на Лисий остров, где он остается невредимым. Возвращение после побега с Галиной должно было обернуться расстрелом, но суматоха из-за проверки из Москвы вновь спасает Артема.

Традиционно герои Прилепина (достаточно вспомнить «Грех», «Патологии», «Саньку» и др.) — это «личности сильные, нередко жесткие в принятии решений и поступках, но при этом наделенные способностью к тотальной рефлексии, не ожесточившиеся даже после перенесенных жизненных тягот или трагического военного опыта, познавшие подлинную ценность бытия, пытающиеся обрести собственное место в мире» [Осьмухина, 2018, с. 277], Артем Горяинов отличается от них. Хотя на протяжении сюжетного развертывания он не теряет веры в лучшее, трезво оценивает происходящее, но в финале череда страшных потрясений полностью меня-

ет его мировидение. Герой приходит к выводу, что смерть есть избавление от страданий, когда во время карательной акции по приказу начальника лагеря Ногтева расстрелять каждого десятого, предлагает Захару поменяться и быть расстрелянным вместо него. В этом, на первый взгляд, шаге отчаяния видится желание главного героя освободиться; кажется, что смерть принесет ему покой и наконец закончит звучать навязчивое «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу-хожу по острому ножу», являющееся лейтмотивом всей лагерной жизни Артема. Смерть герой воспринимает как спасение, шаг от не-бытия в лагерном аду к бытию вечному. Однако расстрела не случается, и Артем становится неприметным, не ищет лучшей жизни, сторонится людей, перестает быть свидетелем важных событий.

Заметим, кроме того, что в историческом романе изображаются реальные деятели той или иной эпохи (Ричард Львиное Сердце, Мария Стюарт, Кромвель у В. Скотта; Емельян Пугачев у А. С. Пушкина; М. И. Кутузов, Наполеон Бонапарт у Л. Н. Толстого и т. д.). При этом исторические личности, нередко выведенные в качестве «анонимов», «фоновых» фигур, — это представители «общественного движения» [Лукач, 2015, с. 123], влияющего на этнос в целом. Среди реальных личностей в романе Захара Прилепина встречаются деятели революции А. П. Ногтев (в действительности — первый начальник лагеря, приговоренный впоследствии к пятнадцати годам заключения) и Г. И. Бокий. В Мите Щелкачове, собирающем словарь тюремной брани, угадывается будущий академик Д. С. Лихачев. Однако центральной исторической фигурой, выведенной в романе, оказывается Федор Иванович Эйхманис. Эйхманис «реальный» был приближенным Л. Троцкого, главой ЧК всей Туркестанской республики, автор ряда успешных операций по устранению членов белогвардейского командования, начальник СЛОНа, один из организаторов сталинских репрессий, ставший их жертвой и расстрелянный в 1938 году как английский шпион. Его судьба, деятельного и умного, беспринципного и жестокого, убежденного большевика, как нельзя лучше олицетворяет судьбы многих его современников.

Согласно традиции исторического романа, Эйхманис как реальная историческая фигура, абсолютное порождение эпохи, дан в статике: характер его лишен развития, причины поведения или эмоциональные реакции не анализируются. Федор Иванович в «Обителях» изображен глазами, во-первых, Артема Горяинова, во-вторых, его любовницы Галины Кучеренко. При этом Артем видит в Эйхманисе небожителя и вершителя судеб всех жителей лагеря; Галина, упоминая о близости к Троцкому, причисляет его к советскому пантеону, всячески (даже в мелочах) демонстрируя его превосходство: *Эйхманис выше среднего роста — выше Артема с Афанасьевым ...* [Прилепин, 2014, с. 61]. Для заключенных он полугероическая фигура, овеванная

легендарным ореолом. В то же время портрет персонажа неоднозначен: *Он был красив, напоминал какого-то известного поэта десятих годов ... Только в линии скул — слишком скользкой, делающей лицо более худым, чем на самом деле, было что-то неприятное и болезненное* [Там же].

Волей случая Артем становится приближенным Ф. Эйхманиса и вступает с ним в диалог, позволяя апологету большевистской идеологии объяснить причины жестокости режима. Прием этот, заметим, типичен для исторического романа: достаточно вспомнить общение Гринева и Пугачева в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина или диалог на равных между героем и королем Ричардом Львиное Сердце в «Айвенго» В. Скотта. Федор Иванович убеждает Артема, что методы советской власти оправданы спецификой времени, напоминает о том, что на Соловках всегда была тюрьма с более жестким, по сравнению с нынешним, режимом. Оговоримся, что после неудавшегося покушения на смену Эйхманису приходит А. П. Ногтев, в котором не было ни человечности, ни намек на просвещенность предшественника. Он подлинный палач, упивающийся властью, не обремененный желанием модернизации лагеря, не занимающийся разведением редких видов животных, не имеющий культурного багажа своего предшественника. Неоправданная жестокость Ногтева маркируется сценой расстрела собаки Блэка, всеобщего любимца. В подобной смене начальства лагеря со всей очевидностью Прилепин показывает будущее «закручивание гаек», знаменующее начало нового исторического этапа — эпохи «большого террора» 1930-х годов.

Таким образом, при наличии элементов авантюрного (Артему присущи отдельные черты героя-авантюриста), любовно-психологического романов все-таки «Обитель» в жанровом отношении можно причислить к жанру романа исторического (изображен переломный момент отечественной истории через конфликт между историческими личностями и вымышленными «средними» героями, ярко выражено документальное начало повествования, осуществлен синтез исторических фактов и художественного вымысла). При этом особенностью осмысления исторической темы в романе Прилепина становится интерес к вечным нравственным вопросам, проблемам жизни и смерти, совести и долга, любви и верности в их христианском понимании, в связи с чем можно с уверенностью говорить о нравственно-философском постижении минувшего как характерного свойства «Обители».

4. Специфика репрезентации христианских образов и мотивов в «Обители»

Уже само заглавие романа отсылает к вполне определенному образу, однако горизонт читательских ожиданий не оправдан: обитель оказывается

не святым местом (монастырем, храмом), повенчанным с добром, но тюрьмой с жесточайшими порядками, где царят бесчеловечность, жестокость и произвол, и жизнь здесь становится не бытием стремящихся к Богу, но адом для заключенных, которым нет и не будет исхода. Справедливости ради укажем, что в «обители» живут священнослужители и монахи, но уже не по прежнему укладу: они лишены прежней свободы и возможности служить Богу — теперь они служат новому начальству. «Обитель» превращена в макет будущего советского государства эпохи «большого террора»: в ней есть фермы с животными, спортивная секция, издается собственная газета, создан театр, ведутся научные исследования, работает ларек с продовольствием; некоторые из заключенных даже получают зарплату, но по пути к этому самому ларьку можно «услышать смерть»: расстреливают на территории «обители» без лишних объяснений. Примечательно в связи с этим уже упомянутое нами высказывание Эйхманиса, подчеркивающего, что на Соловках создается новая цивилизация для воспитания нового человека, а потому прежде всего придается забвению прежняя ценностная система, основанная на православной нравственности и категории памяти: на храм водружена пятиконечная советская звезда, на монастырское кладбище отправлены лагерники разрушать могилы.

Роман насыщен христианскими мотивами и образами. Так, Артём Горяинов признаётся Гале, что убил отца не за измену матери, но *за наготу*. Остаток своих дней Горяинов проведёт на Соловках. И, несмотря на то что другие заключённые уверены, что Артем «фартовый», он умирает в неволе, причем сначала духовно. Вполне очевидна здесь параллель с библейским сюжетом: у праведника Ной было трое сыновей, только их семья пережила всемирный потоп. Ной начал возделывать землю и насадил виноградник. Согласно Библии, он не знал о пьянящем свойстве виноградного нектара, поэтому выпил и крепко заснул обнажённым. Наготу отца увидел Хам и повёл себя постыдным образом: стал насмехаться над родителем и рассказал братьям обо всём. Сим и Иафет «взяли одежду и, положив её на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего» (Быт. 9:23). Придя в себя, Ной проклял младшего сына Хама: «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9:25). Отцеубийца Артем фактически превращается в Соловецком лагере в «раба» лагерного начальства [Ветхий ...].

На Соловках Горяинов, как мы уже указали, попадает под обаяние начальника лагеря Федора Эйхманиса, стоящего на вершине иерархии «нового» социума: *У нас здесь свои классы, своя классовая рознь <...> Пирамида такая — сверху мы, чекисты. Затем казры. Затем бывшие священнослужители, попы и монахи. В самом низу уголовный элемент —*

основная рабочая сила [Прилепин, 2020, с. 268]. При этом, по мнению Эйхманиса, в массовых расстрелах, бесчеловечных условиях содержания, тяжёлых работах, голоде виноваты сами заключённые: *Кто вас мучает? Вы сами себя мучаете лучше любого чекиста!* [Там же, с. 272]. Эйхманис подобен Деннице, который возгордился, захотел стать выше Бога и был изгнан. Начальник лагеря в собственной гордыне пытается через подмену идеологических понятий стать выше всех — «вождем пролетариата». Как и Денница, Эйхманис в конечном итоге изгнан: арестован по обвинению в участии в заговоре в НКВД и расстрелян.

Как известно, самым страшным местом на Соловках считалась Секирная гора, или Русская Голгофа. В 1920—30-е годы там, в здании церкви, действительно располагался штрафной изолятор, где заключённых содержали в нечеловеческих условиях, смертность была очень высокой. Бывший политзаключённый, писатель М. М. Розанов вспоминал: «Секирка — это венец системы угнетения, надругательств, террора и истребления, последняя, высшая пред расстрелом ступень карательной лестницы спецотдела ОГПУ — предшественника ГУЛАГа. От первой ступени — от прозябания на безответственной, хлебной, нефизической работе и до Секирки много, много ступеней и чем выше, тем мучительней переживать лагерь телесно или духовно, а чаще приходится страдать сразу и телом, и душой» [Розанов, 1979]. Примечательно, кстати, что и название горы Голгофы, на которой был распят Иисус Христос, переводится как «череп». Существует версия, что в древнем Иерусалиме на Голгофе складывали головы казнённых преступников.

В «Обители» именно на Секирке заключённый Горяинов теряет свое близкое окружение: расстрелян Василий Петрович; позднее, задохнувшийся в штабелях, погибает владычка Иоанн. Но именно одна из первых казней — расстрел никогда не унывающего Афанасьева — надломила Артема. Когда доведенные до ужаса заключённые иступленно каялись в страшных грехах на общей исповеди (*«расстрелял жидка!»*, *«зарезал жену!»*, *«задушил ребенка!»*) [Прилепин, 2020, с. 563]), Горяинов не каялся, а бесновался и хохотал: *Мерзну! — с бесноватой радостью соглашался Артем. — Хочу жрать и мерзну!* [Там же, с. 561]; *Не верил, — кивал Артем с тем бесстыдным лицом, с которым пьяница ждёт у кабака, что ему нальют* [Там же].

Важно отметить, что в «Обители» встречается подмена «новой» властью христианских понятий. Так, чекист, являющийся в штрафной изолятор вызывать заключённых на расстрел, кощунственно цитирует Евангелие: *Шлёпнул губами, словно удерживая спадающую улыбку, и ответил такими же улыбчивыми, влажными, как его губы, словами: — Жатвы много, работников мало ... Надумал отречься, Зиновий? <...> От Антихриста, — коротко ответил Зиновий* [Там же, с. 552—553]. «Жатвы мно-

го, а делателей мало» (Мф. 9:36—38) [Евангелие ...], — так Господь сказал своим ученикам, подразумевая под созревшей пшеницей человечество, под жатвой — проповедование истинной веры, а под «делателями» — проповедников. Заметим, что подобное кошуństwo с точки зрения носителя христианской нравственности, с позиции представителя «нового» мира и «новой» нравственности есть не что иное как, с одной стороны, издательская, а с другой — «удобная», хорошо понятная, веками опробованная форма для проповедования собственной идеологии.

Кроме того, кошуственная сцена связана с описанием бытового факта: в бывших церквях, а ныне карцерах «параша» находилась на месте Святого жертвенника: *В тринадцатой роте, — вдруг вспомнил Артем, — параша стоит в алтаре. В моей партии был один священник — так он ни разу туда не сходил. Ночью поднимался и шел на улицу. Пока ходил — его место занимали на нарах. Утром встаем — он сидя спит где-нибудь в уголке, чуть не замерзший <...> Я думаю, дурак. У Василия Петровича дрогнула челюсть — будто бы Артем у него на глазах толкнул больного; он отвернулся* [Там же, с. 68]. Примечателен комментарий Артема здесь («*я думаю, дурак*»), пока еще не осознавшего ни подлинных ценностей, ни собственного места в мире, ни смысла бытия вообще.

В сюжете романа присутствуют и персонажи-священнослужители, наиболее показательный из которых осужденный владыка Иоанн, кого на первый взгляд насмешливо, но на самом деле ласково-уважительно все называют «*владычкой*». Из-за преклонных лет ему очень тяжело жить в невыносимых лагерных условиях, но, как подлинный пастырь, Иоанн для каждого находит ласковое слово, ведет поистине праведное бытие, сохраняя в себе подлинно человеческое: жертвует свою порцию баланды безпризорнику, уступает свое место на нарах, безгранично сочувствует всем сокамерникам, хотя ему самому пришлось многое перенести:

“У него попадьё красноармейцы насильовали — а он всё про общежитие рассказывает! Слушай его, он тебе наговорит!” <...> Артем увидел, как батюшка Иоанн тихо сидит, переплетя пальцы и шепча что-то. Дождался, пока ругань прекратится, поднял глаза, снова улыбнулся Артему: вот, мол, как. <...> Владычка вдруг заплакал, негромко, беспомощно, по-стариковски, стыдясь самого себя — никто не мог решиться успокоить его <...> Продолжалось то меньше трети минуты. Владычка вздохнул и вытер глаза рукавом.

— *Но и этих надо любить, — сказал он и осмотрел всех, кто был вокруг. — Сил бы* [Там же, с. 513].

Батюшка как подлинный праведник-мученик за веру, чей дух оказывается несломленным, продолжает проповедь добра и любви, призывая к со-

хранению человечности всех остальных, ибо «Бог есть любовь»: нужно любить детей «убийц святых мучеников», и новых мучеников, которые сами «дети убийц» [Там же, с. 515]. Когда замерзающим заключенным в изолятор на Секирке кинули несколько курток, которых явно бы на всех не хватило, поэтому намечалась драка среди отчаянных и несчастных людей, именно «владычка» Иоанн предложил лагерникам укладываться на ночь «в штабеля», чтобы не замерзнуть насмерть. На наш взгляд, образ «владычки» со всей очевидностью отсылает к образу святого Иова Многострадального, который за все благодарил Бога. Как известно, ветхозаветный Иов был счастлив в детях, его уважали за мудрость, семья жила в достатке. В скором времени у праведника от болезней погибли все близкие, а он сам разорился и покрылся язвами. Но ни разу он не обвинил Творца в своих несчастьях. За свое смирение Господь воздал Иову вдвое: он снова стал богат, у него родились дети, и прожил он длинную счастливую жизнь.

Ещё один священник Зиновий, казалось бы, потерял самого себя. Он вечно ходил сначала по больнице, потом по карцеру и выклиничивал «сахарку, сольцы, хлебушка». Но и он находит в себе силы сказать, что не отречется от Бога, но отрекается от антихриста, имея в виду новую советскую (соловецкую) власть: *Зиновий, видел Артём, оказался вовсе не столь жалок <...> За юродством явственно просматривались необычайная крепость духа и яростное человеческое мужество* [Там же, с. 554]. Столь разные по характеру священнослужители продолжают оставаться носителями подлинных христианских ценностей и добродетелей: наставляют персонажей, помогают им, обессиленным от постоянного страха за жизнь, покаяться; вместе проводят общую исповедь для всех заключенных; собственным примером демонстрируют стойкость веры и несломленность духа.

Под воздействием не только «светских» персонажей, но и священнослужителей подлинную внутреннюю эволюцию претерпевает Артем Горяинов, отцеубийца, блудодей, в чем-то справедливый, нередко бескорыстный и храбрый (показательна здесь история с немощным Филиппком, которого Артем сначала защитил на Баланах от десятника, затем в больнице от блатного Жабры, а после Артем отдал ему свою порцию еды), постепенно приходящий к пониманию ценностей истинных. Первоначально он смеется над заключенными на Секирке, когда Иоанн и Зиновий призывают всех покаяться, смеется, когда видит, что Зиновия-попрошайку стали уважать больше, чем раньше: *Они тайне надеются, что он может их спасти* [Там же]. Лежа на нарах в штрафном изоляторе, Артем, отколупывая известку от стены, обнаруживает лик святого (см. подробнее об этом [Вальчак, 2019, с. 86—97]), начинает разговаривать с ним, но, когда умирает задавленный «владычка» Иоанн, герой, слабый верой, ложкой полосует лицо

своему «князю», за что его жестоко избивают измотанные голодом и холодом заключенные. Оказавшись с Галей в лодке посреди моря, Артем вполне осознанно обращается к Богу: *Господи, я Артем Горяинов, рассмотри меня сквозь темноту. Рядом со мной женщина — рассмотри и ее. Ты же не можешь взять меня в одну ладонь, а вторую ладонь оставить пустой? Возьми и ее ... Она не чуждой мне человек, я не готов ответить за ее прошлое, но готов разделить ее будущее* [Прилепин, 2020, с. 614]. Но тут же останавливается, уговаривая себя, что никого «тут нет», а сам он не знает, любит «эту женщину или нет». И всё же, когда Галю приговорили к расстрелу, Артем осознанно принимает решение расстаться с жизнью, ибо наконец-то, неосознанно для самого себя пройдя путь духовных исканий, он понимает подлинные ценности: верность, любовь, долг, совесть, жизнь, смерть. Смерть для него не драма, но избавление и обретение настоящей жизни. И хотя к истинному (христианскому) покаянию герой не приходит, но сохраняет в себе человеческое: *Человек тёмный и страшен, но мир человека вечен и тёпл* [Там же, с. 746].

5. Заключение

Резюмируя сказанное выше, можно заключить, что «Обитель» Захара Прилепина как один из образцов современного исторического романа занимает в отечественной словесности 2010-х годов совершенно особое место. И дело здесь не только в популярности у широкой читательской аудитории, «премиальном» статусе книги или же ее финансовом успехе. Как это ни парадоксально, Прилепину удалось создать текст синтетической природы, не только органично совмещающий в историческом романе авантюрно-приключенческие, любовно-психологические элементы, но и активно осваивающий библейский контекст. В исторической по своей структуре «Обители» (изображение переломного момента отечественной истории, достоверное описание реалий, наличие в сюжетном развертывании исторических фигур, ярко выраженный документализм, сочетание художественного вымысла с историческими фактами) важнейшей становится христианская тема: трансформация личности под воздействием несчастий и ее диалог с Богом. Все персонажи романа так или иначе обозначают собственное отношение к религии в целом: Эйхманис сам стремится стать новым «богом» и проповедует «религию» нового мира; священники наставляют, стараются укрепить в вере, ободрить остальных; заключенные нередко смеются над верой, но гораздо чаще умирают с молитвой на устах (Василий Петрович). Главный же герой (Артем Горяинов), по сути, воплощает авторскую историософскую концепцию, согласно которой «усредненный» человек, пройдя путь через заблуждения, преступление,

страдания, духовные и физические испытания, все-таки метафорически воплощает личность, участвующую не только в историческом процессе, но и в универсально-вселенском движении от небытия и забвения (жизнь Артема и других заключенных в лагере) к подлинному бытию (смерть воспринимается героем как избавление и спасение).

Источники

1. *Ветхий Завет*. Синодальный перевод. Бытие [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/bytie.html#g9> (дата обращения 23.04.2021).
2. *Евангелие* по Матфею [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/biblio/?Mt.9:36-38&t> (дата обращения 23.06.2021).
3. *Прилепин З.* Обитель : роман / З. Прилепин. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 746 с. — ISBN 978-5-17-084483.
4. *Розанов М. М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922—1939. Факты — Домыслы — «Параши». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://solovki-monastyr.ru/library/687/> (дата обращения 20.06.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александрова М. В.* Пространство «Обители» как основание бытия в романе З. Прилепин / М. В. Александрова, В. А. Антонец // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 4. — С. 312—317.
2. *Альтшуллер М. Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России : Исторический роман 1830-х годов / М. Г. Альтшуллер. — Санкт-Петербург : Академический проект, 1996. — 342 с. — ISBN 5-7331-0014-1.
3. *Бахтин М. М.* Эпос и роман (о методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — Москва : Художественная литература, 1986. — С. 392—427.
4. *Безруков А. Н.* Механизмы конфигурации художественной реальности в прозе Захара Прилепина / А. Н. Безруков // Libri Magistri. — 2019. — № 3 (9). — С. 136—145.
5. *Большев А. О.* Роман Захара Прилепина «Обитель» в контексте тюремно-лагерной русской прозы XX века / А. О. Большев // Филология и культура. — 2016. — № 4 (46). — С. 129—138.
6. *Бондаренко В.* Власть Соловецкая. О романе З. Прилепина «Обитель» [Электронный ресурс] / В. Бондаренко. — Режим доступа : <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (дата обращения 22.04.2021).
7. *Бреева Т. Н.* Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Т. Н. Бреева. — Екатеринбург, 2011. — 452 с.
8. *Вальчак Д.* Святыня под слоем известки. Икона в лагерной зоне в романе З. Прилепина «Обитель» / Д. Вальчак // ART LOGOS. — 2019. — № 2 (7). — С. 86—97.
9. *Варфоломеев И. П.* Типологические основы жанров исторической романистики. Классификация видов / И. П. Варфоломеев. — Ташкент : Фан, 1979. — 168 с.
10. *Глазкова М. М.* Функциональность библейского интертекста в романе Захара Прилепина «Обитель» [Электронный ресурс] / М. М. Глазкова, И. М. Попова // Концепт. — 2015. — № 12 (декабрь). — С. 1—5.

11. Данилкин Л. «Обитель» Захара Прилепина : лагерный ад как модель страны / Л. Данилкин // Афиша. Воздух. 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://vozduh.afisha.ru/books/obitelzahara-prilepina-lagernyy-ad-kak-model-strany/> (дата обращения 22.05.2021).
12. Долинин А. А. История, одетая в роман : В. Скотт и его читатели / А. А. Долинин. — Москва : Наука, 1988. — 245 с.
13. Захар Прилепин. Новый роман «Обитель» [Электронный ресурс] // Свободная пресса. Нижний Новгород. — 2014. — № 45 (2186). 25 апреля. — Режим доступа : <https://svpressa-nn.ru/2014/323/zahar-prilepin-novyi-roman-obitel.html> (дата обращения 20.07.2021).
14. Иванова И. С. Концепт «душа» в романе Захара Прилепина «Обитель» / И. С. Иванова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 42. — С. 58—62.
15. Ильина С. А. Символика художественного пространства романа Захара Прилепина «Обитель» / С. А. Ильина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 12—4 (78). — С. 22—27.
16. Ковтун Н. В. «Голый человек» А. Солженицына на фоне «новой лагерной прозы» : pro et contra / Н. В. Ковтун // Филологический класс. — 2019. — № 2 (56). — С. 157—167. — DOI: 10.26170/FK19-02-21.
17. Круглов Р. Христианские темы и мотивы в современной русской литературе [Электронный ресурс] / Р. Круглов // Заря. — 2019. — № 1. — Режим доступа : <http://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoy-literature> (дата обращения 22.07.2021).
18. Кучерская М. По острому ножу [Электронный ресурс] / М. Кучерская. — Режим доступа : <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/04/18/po-ostromu-nozhu> (дата обращения 18.03.2021).
19. Лейдерман Н. Л. Теория жанра / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО ; Уральский государственный педагогический университет / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург, 2010. — 904 с. — ISBN 978-5-904205-64-1.
20. Лукач Г. Исторический роман / Г. Лукач ; вступительная статья П. Андерсона. — Москва : Common place, 2015. — 178 с.
21. Оскоцкий В. Д. Роман и история : традиции и новаторство советского исторического романа / В. Д. Оскоцкий. — Москва : Художественная литература, 1980. — 384 с.
22. Осьмухина О. Ю. Образ героя в прозе Захара Прилепина (на материале романов «Патологии», «Санька») / О. Ю. Осьмухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 6 (84). — С. 275—280. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-6-2.14.
23. Пауткин А. И. Советский исторический роман (в русской литературе) / А. И. Пауткин. — Москва : Знание, 1970. — 107 с.
24. Петров С. М. Исторический роман в русской литературе / С. М. Петров. — Москва : Издательство министерства просвещения, 1961. — 233 с.
25. Рылова К. Проблема духовного самосохранения в романе З. Прилепина «Обитель» / К. Рылова // Филология и культура. — 2016. — № 4 (46). — С. 250—254.
26. Сухих О. С. Роман З. Прилепина «Обитель» : поэтика художественного эксперимента / О. С. Сухих // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2015. — № 1. — С. 297—304.
27. Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы / Ю. Н. Тынянов. — Ленинград : Прибой, 1929. — 595 с.

28. Франк С. Соловецкий текст. Часть 2 [Электронный ресурс] / С. Франк // Имагология и компаративистика. — 2017. — № 8. — Режим доступа : http://journals.tsu.ru/imagology/&journal_page=archive&id=1611&article_id=37011 (дата обращения 22.04.2021)

MATERIAL RESOURCES

- Prilepin, Z. (2020). *The monastery: Roman*. Moscow: Publishing House AST. 746 p. ISBN 978-5-17-084483. (In Russ).
- Rozanov, M. M. *Solovetsky concentration camp in the monastery. 1922—1939. Facts-Conjectures — “Parashas”*. Review of the memories of Solovchans by Solovchans. Available at: <http://solovki-monastyr.ru/library/687/> (accessed 20.06.2021). (In Russ).
- The Gospel according to Matthew*. Available at: <https://azbyka.ru/biblio/?Mt:9:36-38&r> (accessed 23.06.2021). (In Russ).
- The Old Testament. Synodal translation. Genesis*. Available at: <http://www.my-bible.info/biblio/biblija/bytie.html#g9> (accessed 23.04.2021). (In Russ).

REFERENCES

- Alexandrova, M. V., Antonets, V. A. (2015). The space of the “Monastery” as the basis of being in the novel Z. Prilepin. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4: 312—317. (In Russ).
- Bakhtin, M. M. (1986). Epos and the novel (on the methodology of the study of the novel). In: *Literary and critical articles*. Moscow: Fiction. 392—427. (In Russ).
- Bezrukov, A. N. (2019). Configuration mechanisms artistic reality in prose Zakhar Prilepin. *Libri Magistri*, 3 (9): 136—145. (In Russ).
- Bolshev, A. O. (2016). Zakhar Prilepin’s novel of “Resident” in the context of prison-camp of Russian prose of the twentieth century. *Philology and culture*, 4 (46): 129—138. (In Russ).
- Bondarenko, V. *The power of Solovetskaya. About Roman Z. Prilepina “Abode”*. Available at: <http://zavtra.ru/content/view/vlastsolovetskaya/> (accessed 22.04.2021). (In Russ).
- Breeva, T. N. (2011). *Conceptualization of the national in the Russian historiosophical novel of the situation of the frontier*. Doct. Diss. Yekaterinburg. 452 p. (In Russ).
- Danilkin, L. (2014). “Abode” of Zakhar Prilepin: camp hell as a model of the country. In: *Afisha. Air*. Available at: <http://vozduh.afisha.ru/books/obitelzahara-prilepina-lagernny-ad-kak-model-strany/> (accessed 22.05.2021). (In Russ).
- Dolinin, A. A. (1988). *A story dressed in a novel: V. Scott and his readers*. Moscow: Nauka. 245 p. (In Russ).
- Frank, S. (2017). Solovetsky text. *Imagology and comparative studies*, 2 (8). Available at: http://journals.tsu.ru/imagology/&journal_page=archive&id=1611&article_id=37011 (accessed 22.04.2021). (In Russ).
- Glazkova, M. M., Popova, I. M. (2015). Functionality of the biblical intertext in Zakhar Prilepin’s novel “The Monastery”. *Concept*, 12: (December). 1—5. (In Russ).
- Ilyina, S. A. (2017). Symbolism of the artistic space of Zakhar Prilepin’s novel “The Monastery”. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12—4 (78): 22—27. (In Russ).
- Ivanova, I. S. (2016). The concept of “soul” in Zakhar Prilepin’s novel “The Monastery”. *Scientific and methodological electronic journal “Concept”*, 42: 58—62. (In Russ).

- Kovtun, N. V. (2019). "The Naked man" Solzhenitsyn on the background of the "new camp prose": pro et contra. *Philological class*, 2 (56): 157—167. DOI: 10.26170/FK19-02-21. (In Russ).
- Kruglov, R. (2019). Christian themes and motives in modern Russian literature. *Zarya*, 1: Available at: <http://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoy-literature> (accessed 22.07.2021). (In Russ).
- Kucherskaya, M. *On a sharp knife*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/04/18/po-ostromu-nozhu> (accessed 18.03.2021). (In Russ).
- Leiderman, N. L. (2010). *Theory of genre / Institute of Philological Research and Educational Strategies "Slovesnik" UrO RAO; Ural State Pedagogical University*. Yekaterinburg. 904 p. ISBN 978-5-904205-64-1. (In Russ).
- Lukach, G. (2015). *Historical novel*. Moscow: Common place. 178 p. (In Russ).
- Oskotsky, V. D. (1980). *Novel and history: traditions and innovation of the Soviet historical novel*. Moscow: Fiction. 384 p. (In Russ).
- Osmukhina, O. Yu. (2018). The image of the hero in the prose of Zakhar Prilepin (based on the material of the novels "Pathologies", "Sankya"). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 6 (84): 275—280. DOI: 10.30853 / filnauki. 2018-6-2. 14. (In Russ).
- Pautkin, A. I. (1970). *The Soviet historical novel (in Russian literature)*. Moscow: Znanie. 107 p. (In Russ).
- Petrov, S. M. (1961). *Historical novel in Russian literature*. Moscow: Publishing House of the Ministry of Education. 233 p. (In Russ).
- Prilepin, Z. (2014). The new novel "The Monastery". *Svobodnaya pressa*, 45 (2186). April 25. Nizhniy Novgorod. Available at: <https://svpressa-nn.ru/2014/323/zahar-prilepin-novyi-roman-obitel.html> (accessed 20.07.2021). (In Russ).
- Rylova, K. (2016). The problem of spiritual self-preservation in the novel Z. Prilepina "Abode". *Hilology and culture*, 4 (46): 250—254. (In Russ).
- Sukhoi, O. S. (2015). Roman Z. Prilepina "Abode": poetics of artistic experiment. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 1: 297—304. (In Russ).
- Tynyanov, Yu. N. (1929). *Archaists and innovators*. Leningrad: Priboy. 595 p. (In Russ).
- Valchak, D. (2019). The shrine under a layer of lime. The icon in the camp zone in the novel by Z. Prilepina "Abode". *ART LOGOS*, 2 (7): 86—97. (In Russ).
- Varfolomeev, I. P. (1979). *Typological bases of genres of historical novelistics. Classification of species*. Tashkent: Fan. 168 p. (In Russ).